

УДК 101.8.530.1

М.В. Учанева (5 курс, ФТИМ), Д.Н. Козырев, к.ф.н., доц.

ВЕРА И ЗНАНИЕ (ЧИТАЯ ВИТГЕНШТЕЙНА)

Проблема соотношения веры и знания относится к числу наиболее глубоких и важных проблем, волнующих любого думающего человека. В наши дни возрождается интерес к решению, которое предложил великий германский философ И.Кант. Он утверждал, что ему удалось выявить границу знания для того, чтобы восстановить в своих правах веру. Эта мысль требует раскрытия и преодоления ряда предубеждений. Материалистическая культура склонна видеть в вере либо проявление человеческой слабости, либо бездумие, косную неподвижность мысли. Кант рассуждал иначе: он видел в акте веры свободное полагание, имеющее большую субъективную ценность. Знание же, согласно Канту, непременно носит характер строгой всеобщности и необходимости. Это, по-видимому, означает, что процесс приращения знания требует отстранённости от конкретных личностных качеств учёного и должен иметь вынужденный характер логического вывода. Вместе с тем очевидно, что любое творчество - и научное в том числе - невозможно без свободного поиска. Защищая веру, Кант отстаивает, по существу, право учёного на творческий характер его труда. Согласно философу, удел человека - пребывать на границе знания и незнания. Это суждение одновременно и оптимистично, и парадоксально: получается, что такое граничное положение содержит в себе залог безграничного роста знания на основе неистребимого духовного порыва.

Но что такое знание? Над этим вопросом много размышлял один из самых ярких, экстравагантных философов XX века Людвиг Витгенштейн. Он отмечал своеобразный гипноз, очарование слов "я знаю" и "знание". Философ исследовал случаи имитации знания и убедительно показал неуместность употребления этого "сильного" слова в тех случаях, когда речь идёт о воинствующем мнении или о шатком предположении, нуждающемся в усилении. Знающий "всегда должен ответить на вопрос, откуда он это знает". В трактате "О достоверности" проводится сближение знания и сомнения; согласно, Витгенштейну, думать - это сомневаться.

Эту мысль хочется продолжить и уточнить. Знаки и образы бытия - наши мысли - неоднородны. Можно выделить два типа суждений. Одни из них указывают на существование чего-то во внешнем мире (пример такого суждения: "существует магнитная индукция"); другие включают это нечто существующее в систему отношений с другими вещами (например, излагается закон Ленца). Критический пересмотр системных связей есть необходимое условие развития научного знания. Однако сомнение в мыслях первого рода делает, видимо, невозможным создание теории; теории рождаются на основе внутренней убеждённости в существовании, действительном присутствии элементов теоретической мозаики. Но мало этого: к области веры относится и рабочая аналогия, без которой не может возникнуть никакая теория.

Этот тезис отражает реальный процесс научного исследования, в котором нет понимания без сравнения, и без понимания нет знакового оформления. Рабочая аналогия в сознании крупного учёного становится идеальной моделью, в рамках которой возможен мысленный эксперимент. Не наличием ли "хрустальной модели" мироздания объясняются знаменитые слова Ньютона "Гипотез не измышляю!"? Не скрывается ли за ними вера в силу найденной модели, в её способность связать многообразие фактов воедино? В современной философии науки процессу создания теорий уделяется много внимания. Представляют интерес соображения А.А.Горелова, считающего, что понятие модели первичнее, чем

понятие теории. Он даже делает вывод о том, что "теорию можно интерпретировать как подтверждённую модель".

Витгенштейн категорически был бы не согласен с определением первичной модели как знания. И он был бы прав. Очевидно, что если исследователь скажет на этой стадии: "Я не могу в этом ошибаться!", то он пойдёт в разрез с идеалом науки - мышлением без предубеждений. Но всё же рискнём утверждать, что употребление слова "знание" в данном случае не является полностью ошибочным. Вспомним, что в русской философии категория "возможности" всегда пользовалась особой симпатией. В нашем случае человек нечто знает вполне определённо. Он знает, что сконструированное (или внезапно, как вспышка, найденное) описание частицы вселенной по крайней мере не запрещено. Для творческого интеллекта - это сигнал ("значит, разрешено!"). Действительность включает в себе много возможных способов описания; однако, знание о возможности уподобления - это слабая форма знания. Платон, кстати, считал её низшей способностью ума. Нужно быть готовым принести найденный образ в жертву истине. Напротив, знание учёного о своей способности признать ошибку и отказаться от неё - это знание высокого порядка, невзирая на всю его субъективность. Это особое ведение, знание-призыв, знание в том высшем смысле, который был назван Кантом "идеями разума".